ПУТЬ К СВОБОДЕ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОВСТАНЦЕВ УКРАИНЫ (МАХНОВЦЕВ)

Рукописи должны быть написаны по возможности разборчиво, чернилами, на одной стороне листа.

РЕДАКЦИЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Екатеринослав, Проспект, № 97.

Телефоны: Редакции 27-95, ночной 2-39. Секретаря Кул.-Пр. Отд. 10-32. Общий 22-08. Экспедиции 17-21. Типографии 13-20.

ЦЕНА № ГАЗЕТЫ:
РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА
В Екатеринославе ... 2 р. 50 к.
На ст. жел. дор. и в др. местн. — 3 р.
Через организации (для сел, волостей, рабочих ор-ций и т. п.) 1 р.
ПОВСТАНЦАМ — бесплатно

№ 34. | Четверг 27-го ноября 1919 г. | № 34.

В № 1 газеты „Знамя восстания“ некоторые об'явления подписаны „Организационным бюро партии левых социалистов-революционеров при повстанческой армии имени Батько Махно“.

Официально заявляется, что при повстанческой армии махновцев организационное бюро левых эсеров никогда не существовало и не существует.

ШТАБ АРМИИ.

Абонентам Городск. Электр. Станции.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Екатеринославская Городская Центральная Электрическая Станция к настоящему времени приостановила подачу энергии своим потребителям из-за отсутствия угля. Дальнейшее неполучение различных сорт. в топливе [illegible] [illegible] [illegible] Станции все [illegible] [illegible] и конструктивным ее свойствам потребует много времени, исчисляемого [illegible] одним месяцем. Так как такое положение едва ли может удовлетворить каждого абонента в частности, а весь город тем более, то как Техническая и [illegible] при Городской Управе, так и конференция из представителей фабрично-заводских предприятий, созванные по почину Технической Секции Заводского Комитета Городской Центральной Электрической Станции, постановили все меры [illegible] поддерживать Станцию, не допускать ее разборки, дабы дать возможность при нормальных условиях транспорта немедленно выполнять свое назначение. Для выполнения поставленной задачи необходимы денежные суммы, которые постановлено взыскать с абонентов в счет отпускаемой энергии по нижеследующей разверстке:

А. Абоненты без счетчиков.

С количеством ламп	1—2—	уплачивают	30 руб.
" " "	3—4—5—	"	50 руб.
" " "	6 и более	"	100 руб.

Б. Абоненты со счетчиками.

При ежемесячном потреблении до 20 кил. час. по октябрю мес. прошл. года уплачивают . . . . 50 руб.
" " " более 20 кил. час. уплачив. 100 руб.

Сбор суммы будет производиться артельщиками Станции, начиная с 26-го ноября н/с. с/г.; абоненты, не внесшие ссуды артельщику по каким бы то ни было причинам, приглашаются внести деньги в кассу Станции. Неуплата в течение 3-х дней с момента посещения артельщиком влечет снятие счетчика. Взыскиваемая сумма обеспечивает на ½ мес.

За председателя Заводского Комитета (подпись)
Секретарь (подпись)
Комендант города Екатеринослава (подпись)

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Культурно-Просветит. Отдел при Военно-Рев. Совете рев.-повст. армии Украины (махновцев)

приглашает рабочих всех предприятий и организаций г. Екатеринослава и окрестностей, крестьян окрестных сел, железнодорожных и почтово-телеграфных рабочих и служащих, городских, земских и иных нелепт служащих, повстанцев от всех частей и трудовую интеллигенцию на

ОБЩЕЕ СОВЕЩАНИЕ

по вопросу:

„О ближайших задачах общественно-экономического строительства“.

Докладчик от Культ.-Просв. Отдела—тов. **ВОЛИН.**

Совещание состоится

в Большом Зимнем театре

Сегодня в четверг, 27-го ноября с. г., ровно в 12 ч. дня.

Вход свободный.

За дело!

Жизнь на месте не стоит. Она бурлит, идет вперед, пробуждая на своем пути все спящее, толкая всех пассивных к активности, к борьбе.

Революция также не может держаться на точке замерзания. Она рвется вперед, сметая на своем пути все гнилое, разрушая всякие преграды и очищая всякие накипи реакционности.

Происходящее в настоящее время восстание на Украине доходит до [illegible] [illegible] пункта. Сотни тысяч работников сохи и плуга оставляют свои родные места и идут в повстанческие отряды, чтобы уничтожить гнусного врага, который ворвался в их мирную жизнь и грабил, сжигал, насиловал, всячески издеваясь над трудовым народом.

Из маленьких отрядиков повстанчество вылилось в большую, вполне организованную армию, которая умело и искусно ведет успешную борьбу с хитрым и снабженным вдоволь техническими приспособлениями врагом.

И в то время, как крестьянство, жертвуя своим состоянием, отдавая свои жизни на алтарь борьбы, уже почти добивает золотопогонную свору; когда разбитые во многих местах банды белых насильников в безумной панике мечутся, ища выхода и спасения; когда стоит нанести лишь один небольшой удар гнусным убийцам, и все будет покончено,— в это время рабочие городов стоят в стороне и безучастно относятся к борьбе, происходящей на их глазах, в исходе которой они должны быть очень заинтересованы.

Кажется, никогда в истории всех времен и народов трудящийся класс не имел такой свободной возможности строить свою жизнь, какую он имеет в данный момент.

Без жертв для него, без его усилий повстанческая армия освободила город и заявила рабочим: вы, товарищи рабочие, являетесь единственными хозяевами города. Задачи нашей армии лишь оборонять и охранять город от возможно нового нашествия белых банд. Все-же остальное вы должны делать сами. Пусть ваши организации немедленно возьмут в свои руки всю хозяйственную жизнь города. Пусть в каждом предприятии будут выделены фабрично-заводские организации, которые затем об'единятся с такими-же организациями [illegible], а затем создадут совет экономических организаций, совет, который будет не политической организацией, у которой на первом месте забота, как-бы устроить своих членов на теплые, властнические места, а истинно-боевым рабочим органом, который сумеет, с помощью всей рабочей массы, наладить промышленность, восстановить транспорт и воссоздать разрушенное.

Но рабочие этой возможностью до сих пор не воспользовались. Здесь не место и не время искать причины такого явления. Их много. Здесь играли роль и страх пред возможным возвращением деникинцев, и соглашательские напевы эсеро-меньшевистской братии, которая изо всех сил старается подорвать доверие рабочих масс к „мужицкой“ армии и к „анархии“.

Факт, печальный факт налицо. Рабочие бездействовали; рабочие, как зрители, из за углов и окошек своих хижин наблюдали за великим поединком между крестьянством и всей контр-революцией и не ударили палец о палец, чтобы притти восставшим на помощь.

* * *

Однако, еще не поздно рабочим выявить перед повстанцами свое сочувствие и солидарность с ними. В последние часы происходящего восстания рабочие еще могут сказать свое слово, и это слово может быть решающим для победы революции.

Сегодня созывается общее рабочее совещание. Сегодня екатеринославские рабочие должны будут дать ответ повстанцам, революции и истории, кто они: вольные-ли дети труда, могущие без нянек и говорунов приступить к самодеятельному творчеству, или — рабы хозяйской опеки и полицейского кнута?

Так скажите-же громче свое последнее слово, товарищи-рабочие!

На гибель буржуазии, со всей ее сворой, докажите [illegible] совещанием, что вы были, есть и останетесь верными стражами революции, что вы беретесь закрепить завоеванные повстанцами вольности.

Пусть каждый работник и работница, отправляясь на совещание, заранее постановят, что они идут с решением немедленно приступить к делу, отказываясь решительным образом от всяких выжиданий и лавирований.

Если совещание окончится успешно, если собравшиеся поручат той или другой рабочей организации немедленно созвать местный рабоче-крестьянский с'езд, то для общего нашего дела будет много сделано. Это даст повстанческой армии возможность заняться своим чисто военным делом, тогда как дело строительства новой, вольной жизни будет таким образом также обеспечено самими трудящимися.

Так за дело-же, товарищи рабочие!

Во имя скорой победы революции, во имя всего нашего будущего,—приступайте к самодеятельности, к пролетарскому творчеству, к ковке жизни вольной, светлой и счастливой.

Яшин.

Поправение рабочих.

Писательница Эльга Иерузалем в „Красном Фонаре“ влагает в уста пьяного откровенного философа следующие слова:

„Мы, интеллигенты—чистейший навоз. Никуда не годимся. Мы лишь удобрение для будущих поколений,—навоз для рощения новых злаков“.

Так признается изживший свой век интеллигент в своей полной непригодности для дела революции, в своей полной изношенности...

Грустная истина...

Если-бы сейчас были живы Михаил Бакунин, Александр Герцен, Виссарион Белинский и др.—все они были-бы в рядах Махновской повстанческой армии.

Теперешние интеллигенты **испугались революции**, и если они служат в разных большевистских комиссариатах, — то лишь потому, что в Советской России „жрать нечего“: или служи в комиссариатах, или издыхай с голода.

Так обстоит дело с интеллигенцией,—нет теперь ни народовольцев, ни декабристов, ни даже социалистов 90-ых годов.

Интеллигенция в данный момент окончательно отшатнулась от русского народа и заняла, как-бы сказать, выжидательную позицию,—кто победит, тому и послужим: капитализму или революции.

Усталые от голодухи, революционной борьбы, долгой, 3-х летней, вслед за интеллигентом поперли вправо и тоже заняли выжидательную позицию и многие русские рабочие.

Не весь рабочий класс в целом, но большая часть его.

Рабочая масса, по крайней мере здесь в Екатеринославе, испуганная насильственным внедрением большевистского коммунизма да плюс ленинской монархии, притихла до такой степени, что прослушала мимо ушей звонкие лозунги мужицкой революции и не только прослушала их, — но вслед за реакционерами разных оттенков начала говорить про обогащение деревни и видеть в мужике врага.

Грустная истина, но все-же понятна!

Пришибленный и задавленный семьей и государственной машиной, русский рабочий захотел порядка, закона и спокойствия.

Рабочий! Передовой авангард революционного движения 1905 года вдруг сразу почил на лаврах и оказался гораздо реакционнее и отсталее мужика, над которым он-же сам смеялся в 1905 году за его робость, осторожность и неразвитость.

Теперь-же—переменились карты: мужик бросает свое хозяйство, семью и идет в повстанческие ряды на смерть или удачу, рабочий-же даже боится сходить на митинг в качестве не оратора уже (куда там!),—а простого слушателя,—„жена де не велит“,—или „придут деникинцы“.

А ведь свершается великое, красивое дело. Едва-ли не величайшее в истории России,—**мужицкая революция**, народная революция, смелая, грозная и бесконечно красивая.

Где-же рабочий и трудовая интеллигенция? Почему нет их в одних рядах с нами, мужицкими повстанцами?

Неужели меньшевики, правые эсеры и прочая нечисть до такой степени задурили рабочую голову, что в ней нет места здоровой и сильной идее всенародного повстанчества?

Я присутствовал на с'езде в Александровске и, если сейчас говорю о поправении рабочих,—значит имею на это право. Каждый из здравомыслящих революционеров, который слышал разных Мухиных и им подобных, вероятно вынес то же самое впечатление, что и я.

Не отдельных личностей я имею в виду, а всю рабочую массу.

Сильно поправела она и частью ударилась в сторону реакции.

Пора проснуться, товарищи рабочие.

Смелее за дело общего строительства.

За свое личное насущное дело. Теперь мы сами можем строить свое дело, ковать железо, пока оно горячо.

Смелее же за работу.

Долой уныние и выжидательную интеллигентскую политику, — вперед за одно с мужиками с повстанческой революционной армией!

Гез

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

Штаба Революц.-Повстанческ. Армии Украины (махновцев)

на 26-ое ноября.

В ночь на 26 ноября нашей разведкой совершон налет на заставу противника, охраняющую днепровский мост у Екатеринослава. Противник в панике бросился бежать, оставив пулеметные ленты с ящиком, которые нами взяты. По-прежнему на этом участке продолжается ружейная, пулеметная и артиллерийская перестрелка.

Из других направлений сведений не поступало.

И.-Д. Начштабармии **ТАРАНОВСКИЙ**.

Дежурный член штаба **РОВАЗА**.

Мы наш, мы новый мир построим!

Как хорошо, как приятно было видеть на демонстрациях стройные ряды рабочих, истинных сынов пролетариата, под знаменами своих революционных организаций.

Гордо подняв головы, строители будущего шли под торжественно развевающимися знаменами своими, и их мощные, победные голоса оглашали улицы словами интернационала:

— Мы свой, мы новый мир построим:

— Кто был ничем, тот станет всем...

Сколько прелести и жизни было в этом!

Сколько радости, надежд и упований приносило все это исстрадавшимся трудящимся массам?

Как дрожала буржуазия, как трепетали буржуазные прихвостни пред этими мощными звуками стройно двигавшихся пролетарских рядов!

[illegible] никогда не будет, когда [illegible] красивой сказке, иллюзии.

Казалось, что пролетариат, который столько страдал, мучился и под мощными ударами которого пала твердыня, трехсотлетнее романовское самодержавие, теперь возвестивший миру, что он свободен, что он—строитель нового мира, мира свободы и справедливости,—никогда не отступит от взятого курса.

Казалось, что всегда и всегда пролетариат будет пылать одним желанием:

— Покончить с врагами трудящихся и приступить к организации, самодеятельности, творчеству, строительству...

Строительству нового мира, новой жизни для трудящихся...

Но что мы видим теперь, когда после тяжелой трехлетней борьбы приближается конец его страданиям, мучениям трудового народа?

Когда под мощными ударами его революционных братьев-крестьян, которые пришли ему на смену, расчленив толщу реакционной стены, добивают банды сатрапов-грабителей, реакционеров-помещиков.

Когда революционная Повстанческая армия провозглашает:

— Свобода и справедливость!

— Борьба на фронте и строительство в тылу!

Что мы видим теперь в рабочих кварталах?

Что слышно теперь на рабочей улице?

Н-и-ч-е-г-о!

Все приуныло. Ни одного живого движения, ни одного радостного, обнадеживающего звука.

Рабочие заснули крепким сном, забив окна и двери, прячась от криков „ура“ идущих в атаку революционных бойцов, от тревожащих их разрывающихся снарядов—символов разрушения всего капиталистическо-реакционного, или же трусливо озираясь по сторонам при встрече с революционными повстанцами...

Что-же это с тобою сталось, товарищ рабочий?

Где твоя бодрость?

Где храбрость, воля и надежды твои?

Неужели все убиты?

Если да, то ты больше не жив, пролетарский гигант.

Стряхни с себя эту мерзкую преступную против своего будущего спячку и, как прежде, сокруши врагов своих, крепко взявшись за руки с твоими братьями-крестьянами, провозглашая миру свое старое, которое должно быть для тебя вечно новым:

— Мы свой, мы новый мир построим:

— Кто был ничем—тот станет всем!

Так за дело, товарищи-рабочие!

Время не ждет!

К строительству—к организации к победе!

Полной, окончательной победе над мировой буржуазией!

Только это желание выведет тебя из этой ужасной спячки и апатии, в которую бросили тебя реакционеры, политические авантюристы разных мастей.

Так вперед, вперед, к делу, к творчеству, к жизни, красивой, осмысленной жизни для всех трудящихся.

Рабочий Ваня Семенов.

Сон человека.

Да здравствует братский и неразрывный союз красных партизан и красной армии (со второй страницы одной почтенной газеты № 130).

Жил был на свете человек.... Так себе, как и все люди-человеки: ел, спал, писал, и даже если бы вытрясти из него пуда три лукавства, то был бы человек этот, как есть, вполне хороший.

Ну так вот, человек в ночь с 24-го на 25-е ноября 1919 года в г. Екатеринославе видел дивный сон:—гремит духовой оркестр на углу Проспекта и Клубной ул. Стройными рядами проходит победоносная красная армия.

Какой это полк? Весь в кожаном обмундировании, винтовочки только что с завода и все со штыками; сапоги вычищены, как зеркало; командир впереди идет, словно только что проглотил качалку.

— „Равня-я-ясь!“—гремит команда. Равняются все, как машина. Что за ранжир! Что за красота! А шаг!—гудит мостовая под дружными ударами могучих окованных сапог.

— „Это Н-ский коммунистический полк“—шепчет сосед человека.—„Они получают усиленную порцию хлеба и мяса“.

Гремит оркестр. Идут бесконечные ряды красной армии.

—„А это кто?“—интересуется человек. В серых шинелях с нечищенными пуговицами, даже хлястики у некоторых болтаются и грязные сапоги. Идут небрежно. Напрасно командиры и комиссары бегают по рядам и подталкивают под бока нерадивых солдат,—не помогает. все равно „болтаются“.

— „Кто это? повстанцы?

—„Нет, это—сибиряки, победители Колчака“—следует ответ.

Но вот что-то случилось, очевидно, слишком важное.—Как вихрем разнесло во все стороны солдат, загремел гром, блеснула молния, задрожала земля под ногами...; Священный трепет об'ял человека и слышит он трубный глас с небеси:- „Се грядет Троцкий делать смотр своим верным войскам“!

Окруженный многочисленной свитой, идет великий человек. На лице улыбка и благоволение. Тишина гробовая.

—„А где же товарищи повстанцы?“ — милостиво интересуется Троцкий.

Раздвигаются дома, ширится площадь и робкими кучками выходят один за другим махновцы. На тачанках с пулеметами и без пулеметов, на лошадях, пешком, кто как попало. Винтовки на плечо, винтовки на ремнях, тот в английском, тот в женском, многие в шубах с бобровыми воротниками, попадаются и в генеральских шинелях на красной подкладке, не мало и в чеченских бурках. Небрежно болтаются офицерские, кавказские, турецкие кривые и еще Бог знает какие сабли, кинжалы и шпаги. Робко переступают повстанцы с ноги на ногу, теснятся друг к другу, очевидно, полны смущенья.

— „Какой художественный беспорядок!“—говорит Троцкий.— „Вы обратили внимание“—обращается он к генералу Гутору.

— „Ничего, товарищ комиссар, это по нашей части, в момент исправим все недочеты“,—вытягивается генерал, как струнка. Но Троцкий уже не слушает его: чем то недовольный, он нервно мнет в руках перчатки. Свита бледнеет... Тревожный шопот: —„Что случилось?“

—„Попросите товарища Махно“,—говорит Троцкий звенящим голосом.

Толпа повстанцев раздвигается, и Махно выходит.

— „Сейчас что-то произойдет“—думает человек, и его сердце часто, часто бьется. Но какая дерзость! Идет, заломив каракулевую шапку и грызет орехи. Троцкий делает над собой усилие и улыбается.

— „Ну, и шельма же вы, товарищ Махно. Надо было вам хоть с полсотни всыпать за ваши шалости, ну да я не злопамятен, прощаю на радостях, по случаю великой победы; будем друзьями, только своих ребят немного в порядок приведите“.

— „Ладно“—говорит Махно и опять грызет орехи.

Идет человек по Проспекту и видит длинный ряд акаций и на каждой из них висят по одному анархисту. На первой болтается Волин: язык вывалился, пенсне на носу перекосилось, а левый глаз лукаво подмигивает.

— „Тьфу ты пропасть!“... невольно вздрагивает человек и... просыпается.

Ровазо.

Думы, мои думы, горе мне с вами.

Кто в наше время не думает и до чего только не додумываются досужие мыслители, в сторонке наблюдая за текущими событиями.

Одни из таких „думающих“ скромно прячут свои думы „в тайниках своей души, боясь, как бы не сказать чего нибудь такого несуразного. Другие же „рассудку вопреки, наперекор стихиям“, „придерутся к тому, к сему, а чаще ни к чему“, и пойдуть вкривь и вкось судить да рядить.

И хотя не только окружающие, но и сами они себя плохо понимают, тем не менее, подобно Репетилову, с тайной гордостью думают: „А все же мы шумим, товарищи, шумим“...

К таким шумящим мыслителям можно причислить и автора „Дум о ломбарде“.

В своих думах почтенный сотрудник газеты „Звезда“ разрешается довольно остроумным парадоксом.

По его мнению, ломбард является местом, куда все „бедняки“ во время денежного кризиса несут в заклад „доставшееся в наследство от бабушки“ золото, серебро, бриллианты, а также „последние“ шубы, дорогие меха и проч. вещи, оказавшиеся в ломбарде в большом количестве. Далее автор „дум“ жало но сетует на „батько“, реквизировавшего „бабушкино наследие“ и тем самым чуть ли не погубившего революцию, и эффектно заканчивает приблизительно в таком роде: „На воротах одного дома я увидел черное знамя, на котором красовалась надпись: „Да здравствует анархия!“—в все поняв.

Прочлв мы Думы о ломбарде и тоже невольно задумались. Услужливое воображение живо представило пред нами редакцию газ. „Звезды“, самого сотрудника, торопливо строчащего свои „думы“ по рублю за строчку, и горько и обидно стало у нас на душе. Обидно не только на злополучного автора „дум“, так оплакивающего потерю „бедняками своих шуб и бриллиантов“, а вообще за всех мещан духом, плачущих по своим шубам и забывающих, что сотни тысяч самоотверженных героев повстанцев в борьбе за лучшие идеалы оставили своих матерей, жен и детей, свои насиженные гнезда, родные села и хаты и все нажитое потом и кровью хозяйство, которое не раз предавалось огню и мечу озлобленными [illegible] бандами.

Оторванные от своих семей, терпя лишения и невзгоды, на своем славном пути раскрепощения народных масс от гнета белогвардейской своры и капиталистической олигархии, героические повстанческие полки днем и ночью, в туман и непогоду, неуклонно движутся вперед, гоня пред собой обезумевшего от паники врага.

И вот эти герои-борцы, ...

Один из многих.

За короткое время своего властвования на Юге России деникинская банда успела обессмертить себя на редкость выдающимися подвигами, выражавшимися в расстрелах и повешаниях белой контр-разведкой лучших сынов народа, того народа, которого деникинцы ненавидят всеми фибрами души, которого на сельских сходах разносят самой отборной площадной бранью, которому мстят за то, что он не хочет больше итти в ярмо захватчиков власти.

Одним из многих революционно мыслящих людей, которые были взяты из Мариупольской тюрьмы и повешены деникинской контр-разведкой, был Гавриил Павлович Давыдов. О нем я расскажу потом, а сейчас скажу только несколько слов, ибо для характеристики такой богатой личности, который был превосходным врачем, талантливым оратором, дивным человеком и незаурядным гражданином, надо иметь благоприятную обстановку, чтобы иметь возможность собрать и привести в систему все известное мне из его жизни.

Г. П.—сын небогатого Ст.-Керменчикского поселянина. Отец его, последние гроши расходуя, дал ему возможность окончить низшую фельдшерскую школу. Но пытливый юноша этим довольствоваться не мог; он, уже на собственные средства, самостоятельно прошел курс гимназии, выдержал экзамен на аттестат зрелости, поступил в университет и окончил его по медицинскому факультету. Но и эти знания его мало удовлетворяли; он, не покладая рук, работал над русской литературой и готовился по этому предмету занять в одном из университетов Юга кафедру приват-доцента, что, без сомнения, ему удалось-бы, ибо обладателю столь сильной воли, выдерживающему столь упорную систематическую работу, нет ничего невозможного. В селе Керменчике он успевал работать и в гимназии, где он был директором, и в тифозном бараке, который он сам открыл и оборудовал, и в обществе, где он пользовался большим авторитетом, однако, эта работа не отнимала у него энергии, которой хватало еще и для того, чтобы заняться вечерами просмотром журналов и газет, дабы быть в курсе последних событий и очередных общественных вопросов.

И вот этого-то человека Мариупольская деникинская контр-разведка, через посредство своего военно-полевого суда, взяла 29 августа 1919 года, осудила и в ночь с 29-го на 30-е повесила. Приговор привел в исполнение тюремный надзиратель Федор Карпенко, взявший за „труд“ свой сапоги доктора и в золотой оправе очки его.

30 августа, рано утром, точно в памятные исторические дни ко Христу, подошли к тюремному помещению три женщины; одна из них была женой казненного, а другие две—его тетушки; мать справлялась о сыне „Гаврике“ и только тут она узнала, что любимого сына ее не стало прошлой ночью.

Я смотрел в окно и видел, как эти женщины, получив неожиданный ответ, наклонили головы и, рефлективно ударив ладонями рук по коленям, стали отирать платком глаза; они с минуту стояли, как ошеломленные, а потом, еще что-то спросив у стоявшего около тюремного здания часового, поворотились и направились к баракам на окраине города, где приводились в исполнение по ночам смертные приговоры.

Сочувствие к материнскому горю взволновало меня, слезы потоком хлынули из глаз, сердце сжималось, грудь колыхалась, и я навзрыд заплакал, уходя в глубь камеры.

Я вспомнил всю ужасную деспотически-провокационно-садистически-инквизиторско мстительную систему монархического строя, к которому ведет деникинская банда, и взгрустнул, но тут-же, вспомнив революционное настроение товарищей по камере и глубокое убеждение каждого в невозможности возврата к старому и близости полной победы революции над реакцией,—облегченно вздохнул. Нет Гаврила Павловича между нами, но о нем будет помнить поколение, которое бессмертное имя борца за свободу увековечит прекрасным памятником. Долг ее вести озаботиться об этом тех, кого он вырвал из пасти смерти, а таковых в селе Ст.-Керменчике, кажется, не мало.

Освобожденный.

...рыстно несущие на алтарь революции свою жизнь, жертвуя всем и не получая взамен ничего, кроме сознания исполненного долга, часто терпят нужду в самом необходимом. Месяцами не меняя белья, в подбитых ветром шинелях, а часто и вовсе без теплой одежды, безропотно несут они свою боевую службу, твердо веря, что „батько“ не забудет об их нуждах.

И действительно, „Батько Махно“ не только по имени, но и на деле является отцом для славных повстанцев и никогда не забывает о своих боевых товарищах.

В вопросе о ломбарде т. Махно остался верен своему принципу: зная, что в ломбард по преимуществу буржуазия снесла на хранение свои платья и шубы, в которых так нуждается славная повстанческая армия, он решил снабдить ее этим за счет буржуазии.

Что же касается до вкладов действительно бедного населения, то всем, кто в это время был около ломбарда, известно, что таковому вещи выдавались бесплатно, реквизировались же исключительно дорогие шубы и ценности, высокая стоимость которых давала вполне справедливое основание предполагать, что собственниками их являются лица буржуазного класса.

Заканчивая свою статью, мы решаемся дать автору „дум о ломбарде“ совет—поменьше думать в дальнейшем, а побольше делать, а также перестать бросать грязью в тех самых повстанцев, которые дали ему возможность излагать свои „думы“ на страницах „Звезды“.

М. ЛЕРМАН.

Бери патрон, бери ружье..

Кому свобода дорога,
Бери патрон, бери ружье,
Кому жизнь вольная мила,
Иди с повстанцем за одно.
И вы сольете из себя
Одно могучее ядро,
И ужаснутся господа,
Как будет сильное оно.
Тогда ядро могучее
Убьет всех белых, все убьет,
Не будет уж и плеток жгучих,
Когда буржуй, кулак помрет.

Итак дружней, дружней вперед,
Иди, трудящийся народ,
И бей буржуя ты живей!
Уж недалек рабочий день!

Кому свобода дорога,
Бери патрон, бери ружье,
Кому жизнь вольная мила,
Иди с повстанцем за одно.

Повстанец

В дни ужаса.

(Маленький очерк).

Незадолго до вечера пустынные улицы города начали постепенно оживать. Вот одна, другая, третья фигуры людей медленно и неуверенно выползают из своих логовищ—домов и вскоре улицы города усеялись этими фигурами людей. Медленной неуверенной походкой идут они по тротуарам проспекта, выжидательно оглядываясь по сторонам. Идут и словно боятся кого то. На углу одной улицы собираются кучки любопытных, о чем кто тихо толкуют, подняв головы, с любопытством смотрят на что то. Подхожу к ним. Тоже гляжу. Вижу, на дереве висят двое повешенных крестьян. Возле, на земле стоит лужа застывшей крови. Не без содрогания вглядываюсь в посиневшие лица повешенных крестьян, которых не пощадила жестокая веревка добровольцев, этих цивилизованных с золотыми погонами. Тут-же рядом около повешенных находятся их незатейливые поношенные костюмы, на которых сверху белеют две записки. В них крупными пестройными буквами было написано, что повешенные есть крестьяне (дальше следовали их имена, фамилии, губернии и т. п.), которых Деникин сильно мобилизовал, вооружил их винтовками и, оторвав от своих родных деревень и семьи, погнал подавлять повстанцев, своих братьев-земляков...

Однако, Деникин ошибся в своих подлых расчетах. Мобилизованные крестьяне не стали защищать своих исконных врагов, они не пошли убивать своих братьев-повстанцев, а, напротив, при первом удобном случае решили стать в ряды геройской отважной Повстанческой армии...

Меч золотопогонников, обагрившийся народной кровью, успел поразить этих двух крестьян, которые не захотели служить палачу Деникину.

Теперь эти посиневшие, похолодевшие, повешенные тела неподвижно висят на дереве, молча взывая о святом мщении за их пролитую кровь, за погубленные жизни.

Кучки любопытных подходят к этим двум висящим телам с тупою равнодушностью, молча смотрят на их искаженные застывшие синие лица и также молча уходят прочь, а на их место приходят другие, такие же тупые, ранодушные, как и первые.

Глядя на эти неподвижные мертвые лица, в моей голове невольно встает вопрос: неужели эти люди не будут отомщены, неужели остро отточенная шашка повстанца не отомстит за убийство своих братьев?

В моей груди закипает гнев, гнев на этих жестоких погонников с пьяными лицами, на равнодушно-тупых, в нарядных костюмах, любопытных, на черные восточного типа апатичные физиономии молча едущих по мостовой проспекта чеченцев.

Один из них устремил свои черные блестящие глаза на лица двух повешенных крестьян и на его тонких губах заиграла сатанинская улыбка. Чеченец в это время был похож на кровожадного тигра, почуявшего жертву.

Мне сделалось до боли ужасно, и я ускорил шаги, удаляясь от этой страшной картины. В моем воображении неотступно вставали синие лица повешенных, лужи крови...

Где-то вдалеке, в наступающих сумерках ночи слышалась хриплая песня подвыпившего казака.

Я зашагал быстрее.

Ив. Раков.

Ко всем страждущим!

Мне вспомнились слова одного старого алхимика, про жизнь которого я читал лет двенадцать тому назад. Читая его предсмертное завещание, я, будто, переживал и чувствовал, с каким печальным тоном он произносил свои последние слова: „если бы люди поняли ту малую, но великую истину, что любить друг друга есть высшее счастье и отрада, на земле парили бы всегда мир и блаженство“.

И вот мне вспомнились те прочитанные когда-то дорогие слова, которые так глубоко засели в моей памяти, среди окружающих нас настоящих событий.

Я лишь теперь мысленно могу себе представить то милое и добродушное лицо старика-алхимика, который так жаждал видеть своих страждущих братьев счастливыми и жизнерадостными. Но, увы, старичек, тебе-бы следовало придти к тому умозаключению, что слишком самолюбивы, эгоистичны, алчны и злы люди, для того, чтобы достигнуть и познать желанную твою „малую, но великую истину“.

И он умер... но умер несчастный заблужденный алхимик, не дождавшийся видеть свое желание осуществленным, но зато неоценимые слова его и поныне еще живут. Да, люди были и есть злы, коварны, мстительны, алчны и даже кровожадны. Временами мы даже превращались и превращаемся хуже чем в голодных зверей. Окружающая жизнь несчастных, забитых, угнетенных тружеников требовала от них то, что было им не под силу, и толкала их на дикие преступления, лишь бы оправдать свое жалкое существование.

А ведь жизнь так хороша. Наболевшая душа требует отдыха. Разве наше измученное тело не хочет погреться под ласковыми лучами теплого солнца и наслаждаться всеми благами жизни?

Какая может быть среди человечества взаимная любовь, когда один извивается точно червяк, в нужде, а другой купается в роскоши и болеет ожирением.

Справедливость, где же ты? Иль ты уж не существуешь! Почему мы не имеем минуты светлого и теплого дня в своей жизни? Где-же та взаимная любовь, среди человечества, которой так жаждал видеть тот старичек? Эх, бедный друг алхимик, какой фантастический и ложный самообман! Видно, жизнь со всеми ее прелестями предназначена не для нас, вечно страдающих и отдающих свои последние силы за насущный кусок хлеба.

Но полно мрачным думам и воспоминаниям,—полно! Мы сильны духом, терпеливы; для нас ничтожны все перенесенные пытки, рабство, издевательства. Мы счастливы теперь тем, что истинная справедливость явилась нам на помощь и скоро, скоро наступит тот момент, когда придет новая светлая жизнь, которая нам даст все те блага, что являлись для нас запретом. Настанет тот час, когда мы при полном сознании поймем ту истину, что любить друг друга есть высшее счастье на земле.

Каждый из нас должен сознать, что все мы являемся детьми матери и отца Великой

Революции, которая защищает наши интересы и стремится дать нам новую свободную жизнь, жизнь независимую и благополучную. А для более верного и скорейшего исхода нам следует быть настоящими примерными, благородными детьми и почитать Великую Революцию. Наша семья должна быть крепко спаяна, неразделима, дружна. Никто из принадлежащих к семье Революции не имеет права сидеть на одном месте, не принимать в ней соответствующего участия.

Стыд и позор тем, которые строят свое счастье на несчастьи других. Каждый из членов этой великой семьи должен заставить пробудить свое благородство, честь и достоинство. Разве мало мы страдали и терпели всяких издевательств и несправедливостей?

Нет, братья, довольно, довольно! Начатое дело очень дорого нам стоит, и горе, и вечный позор нам будет, если оставим незаконченным начатое великое дело.

И вот, товарищи, нам следует твердо запомнить, что тысячи измученных сердец ждут с трепетом счастливого завершения нашего великого начатого дела, для которого требуется напречь все наши дружные силы и совместно с твердой верой и в полном сознании смести с лица земли нашего проклятого врага, который, не щадя себя, стремится восторжествовать над нами, дабы снова захватить нас в свои тиски и медленно душить нас, угнетать, издеваться и порабощать.

Но поздно уже! Слишком много высосали они у нас крови и отняли жизни, чтобы отдаться им снова в руки.

Так пусть же охватит всех верных сынов Революции одно стремление, и общими дружными, крепко-спаянными рядами пойдем кончать начатое великое дело закрепления Свободы, и тогда мы вспомним слова бедного алхимика, что мы уж близки к той „малой, но великой истине, что любить друг друга есть высшее счастье и отрада на земле."

Молчаливый.

Махновец и обыватель.

Мах. Ну, что-ж, товарищ, ты доволен,
Как птица вольная, ты волен;
Тебе не станут говорить,
Чтоб жил ты, как Щетинин хочет,
Тебя „Единой" не морочат,
Как хочешь, можешь нынче жить.
Тебя особенно любя,
Нагайка казака не бесит.
За слово истины—тебя
Уже, товарищ, не повесят;
Кричи, что хочешь, вольный ум!...
Но почему-же ты угрюм?

Обыв. Чего угрюм? Ты мягко стелешь.
Да жестко, милый, что-то спать,
Ты вздору, братец, много мелешь,
Да толку мало в нем видать.

Мах. Прости, но что ты говоришь?
Я молвил, правду,—ты грубишь.
Так в чем-же ты плохое зришь?

Обыв. Плохое в чем? Коль ты не знаешь,
Иль из себя глупца ломаешь,
Так что-ж? Тебя я позабавлю
И лишь вопроса два поставлю.
Не согласишься-ль ты со мной?
Вот первый мой вопрос прямой:
Скажи мне, почему картошка
Так вздорожала, что [illegible]
Уж не хватает до 5-ти;
Ведь можно так с ума сойти...
А хлеба, хлеба вовсе нет.
Скажи, ну, не рехнулся-ль свет?
Но ты молчишь, где-ж твой ответ?
. . . .
Но сын святого идеала
В ответ ни слова не сказал,
И лишь слеза его сказала,
Как он мучительно страдал!

Угнетенный.

Рабочая жизнь.

Самодеятельность рабочих.

Конференция представителей фабрично-заводских предприятий гор. Екатеринослава, совместно с заводским комитетом и техническим персоналом электрич. станции состоялось 24-го с. м. по вопросу, о принятии мер к сохранению целости станции и возможности ея функционирования в будущем.

Конференция эта созвана по инициативе рабочих и заводского комитета Электрической станции, которая убедилась, что только совместно с представителями рабочих заинтересованных предприятий возможно будет спасти станцию от окончательной разрухи.

Первым прочел доклад завед. сетью тов. Родионов., из коего видно было, насколько важно спасение электр. станции, питающей электр. энергией многие промышленные предприятия города, в которых работают несколько тысяч рабочих, не говоря уже об освещении города.

Одновременно выяснилось печальное ее состояние, как в отношении достачи топлива для предупреждения от замерзания котлов и паропроводов, так и в финансовом отношении.

Для того, чтобы протопить время от времени хотя один котел и этим самым не дать замерзать паропроводам и т. д., требуется ежедневно от 200—300 пудов дров. Суточный расход станции для поддержания отопления паропроводов, включая сюда и жалованье рабочим (которые таковое не получили больше месяца), топливо и т. д., составляет 30 тысяч рублей.

Как выяснилось, в случае неполучения вышеупомянутых средств, заводской комитет электрической станции вынужден выбрать для себя одно из двух путей: 1) прикрыть совсем станцию, потушить огонь в единственно отапливаемом теперь котле для нужд обогревания магистралей паропроводов или 2) поддерживать огонь в одном из котлов для обогревания паропроводов.

Избрав первый путь, выяснилось, по заявлению председателя заводского комитета электрической станции, при возможности пуска станции в будущем, потребуется для обротной сборки несколько месяцев, а в случае недостачи для этой цели разных материалов и вовсе пустить нельзя будет. Избрав второй путь—требуется вышеупомянутая финансовая помощь.

После окончания прений, конференцией была избрана специальная комиссия из присутствующих на конференции, заводским комитетом электр. станции и техническим персоналом ее.

После окончания общего собрания состоялось заседание вышеупомянутой комиссии, на котором присутствовал и представитель от коменданта города, который заявил, что в городе дров не имеется, а имеющееся незначительное количество должно быть в первую очередь использовано для нужд больниц и лазаретов, в которых больные чуть не замерзают.

Этой-же комиссией были избраны 3 товарища, на которых возложена обязанность подыскать топливо.

Что касается финансирования станции, то комиссией решено возложить в виде займа на всех абонентов от 30—100 руб., что даст сумму около полмиллиона рублей и тем самым обеспечит станцию приблизительно на полмесяца.

После предложения председателя комиссии тов. Кравченко с воззванием через печать придти на помощь станции, заседание было закрыто.

Сегодня, в 12 ч. дня, заседание комиссии с представителями лесопромышленников.

Н.

Ко всем заводским комитетам металлургической и металлообрабатывающей промышленности г. Екатеринослава и его окрестностей, делегатам союза рабочих металлистов и всем рабочим металлистам.

Уважаемые товарищи.

Сконцентрированные при Советской власти в одном помещении Профессиональные Союзы вступившей в Екатеринослав Добровольческой армией были разгромлены, как и сам рабочий класс. В тот момент в Екатеринославе о наступательной политике речи быть не могло. Нужно было рабочим оправиться от ударов.

Во время безудержного наступления реакции и капитала нельзя было медлить. Необходима была оборона, а орудием для этой последней у рабочих остались разгромленные Союзы, которые нужно было поставить на должную высоту, и дать возможность рабочим вокруг них собирать оставшиеся силы.

В такие моменты нельзя было соблюдать не только формальностей, но нужно было пожертвовать в некоторой степени принципом демократизма, на котором построены все Профессиональные Союзы.

Наряду со всеми Союзами в одинаковом положении очутился и Союз Рабочих Металлистов.

По статистике членов, в Союзе числилось свыше 8-ми тысяч и в то же время не осталось ни Правления, ни Делегатского Совета, делопроизводство также было разрушено ворвавшимися в помещение Союза деникинскими молодцами.

Инициативной группой товарищей на 6-е июля была созвана Союзная Конференция, на которой из 150-ти делегатов и всех Заводских Комитетов присутствовало всего лишь 63 представителя. Такую Конференцию нельзя было считать правомочной и в то же время нельзя было разойтись, ничего не сделав, а потому было постановлено: избрать Временное Правление, которому поручить: 1) привести в порядок делопроизводство, 2) выяснить положение и подготовить материалы, на основании которых можно было бы наметить пути и методы борьбы, и 3) созвать правомочный Делегатский Совет для выборов постоянного Правления.

В продолжение четырех месяцев Правлению удалось созвать 4 раза Союзную Конференцию, однако, ни одна из них не была многочисленней первой. Такое посещение Союзных Конференций можно об'яснить как общим положением промышленности, так и той реакцией, в обстановке которой пришлось работать.

Такое положение было не только у нас, оно существовало на всей территории, занятой добровольцами, и, несмотря на индифферентность самих членов союзов, несмотря на репрессии тогда со стороны власти, союзом металлистов в целом была проделана громадная организационная работа. Вместо отдельных об'единений Крыма, Дона, Кубани и Северного Кавказа, на с'езде 1-го августа с. г., состоявшемся в Харькове, металлисты всех этих областей об'единились в один союз рабочих металлистов Юга России с центральным правлением в Харькове, которому было поручено по возможности вступить в определенные взаимоотношения как со всероссийским, так и международным рабочим движением.

Наряду с организационной работой в условиях разрушенной промышленности, союзу рабочих металлистов пришлось выдержать в целом ряде мест Донецкого бассейна наступление промышленников, а также повести борьбу за повышение заработной платы. Хотя в этой борьбе не достигнуто полной победы, но она не прошла даром, и мы видим, как в Юзовке, Луганске, Макеевке и других местах Донецкого бассейна, сплотившись вокруг союза, рабочие шаг за шагом отвоевывали улучшение своего положения, а также и в Екатеринославе, благодаря хотя и небольшой сплоченности рабочих, союзу удалось больше чем на 15-ти предприятиях повысить на 75 и 100 проц. заработную плату.

Ответственность за выполнение всей этой работы пришлось нести в большей мере самому Правлению, так как, вместо 150-ти делегатов плюс заводские комитеты, порой нельзя было собрать и 3—4 десятка представителей с мест.

Такое положение, противоречащее демократическому централизму, дальше продолжаться не может, и если правлению приходилось в таких условиях работать до сих пор, то в настоящее время, когда перед союзом встают более широкие задачи, когда имеется широкая возможность организационного строительства, правление стремится вывести союз из такого положения и призывает всех рабочих металлистов к большей самодеятельности, чем она была до сих пор, к той самодеятельности, без которой невозможна правильная работа ни в одной из рабочих организаций.

Нужно строить союз, и он будет построен мощным в то время, когда члены его не ограничатся только внесением членского взноса, но и будут интересоваться его жизнью, когда каждый член будет стремиться иметь влияние на каждое действие союза. Эта активность к своей организации сейчас должна быть проявлена серьезностью отношения к выборам делегатов, которые составят первичную ячейку союза в целом и в то же время законодательный орган для Екатеринославского отделения.

Помещая при сем инструкцию выборов, которые должны быть закончены в первых числах декабря, правление призывает всех членов союза принять участие в выборах.

Правление союза рабочих металлистов.

От редакции: Присланная в редакцию при этом инструкция выборов делегатского совета не помещается в газете за недостатком места.

В Военно-Рев. Совете.

(Продолжение отчета).

По вопросу о развивающихся в городе эпидемиях и о необходимости энергичной борьбы с ними, В.-Рев. Совет постановил: рядом с другими, возможными при нынешних условиях, мерами борьбы, добиваться открытия в городе хотя бы одной бани. Особенно важно было-бы открыть баню с дезинфекционной камерой, где могли-бы подвергаться быстрой дезинфекции белье и платье моющихся повстанцев. Такая баня, вполне оборудованная, имеется на углу Херсонской и Сваковой улиц (против городского кладбища). Она не работает только за отсутствием топлива. Решено обратиться к коменданту города за топливом для этой бани.

Необходимо, далее, напречь все усилия, чтобы доставать чистой соломы для больниц.

Для дела дезинфекции санитарной комиссии необходимо иметь в своем распоряжении отдельную лошадь.

Далее возник вопрос о необходимости охраны больниц. В этом отношении дело обстоит, в настоящее время, неудовлетворительно: совершаются нападения на медицинский персонал; уходящими из больниц повстанцами зачастую расхищается больничное имущество, и т. д. Кроме того, военное командование (напр., комендант города) позволяет себе врываться ночью в больницы, беспокоя больных, вмешиваясь в работу медиц. персонала и санитарной комиссии, и т. п.

Решено принять ряд мер для недопущения всех подобных явлений.

Далее рассматривался вопрос о необходимости краткосрочных курсов для ротных фельдшеров и сестер.

Решено предложить всем командирам частей снестись по этому поводу с санитарным врачем (гостиница „Бристоль", комната № 86, ежедневно от 8 до 10 ч. у.).

(Продолжение следует).

От Воен.-Рев. Совета.

1. Председатель В.-Рев. Совета принимает по общим делам ежедневно в помещении Совета (Проспект, контора Карпаса и сын) от 10 до 12 час. дня.

2. Комиссия по справкам, касающимся повстанческой контрразведки, принимает там же ежедневно от 9 до 2 час. дня.

От Санитарной Комиссии при В.-Рев. Совете.

1. Санитарная комиссия предлагает командирам всех частей (полков, дивизионов и т. д.) отправлять своих больных и раненых не прямо в те или иные госпиталя и лазареты, а на распределительный пункт (старое здание английского клуба), дабы возможно было правильно размещать их по соответственным госпиталям. В противном случае, больные и раненые попадают в переполненные больницы, заразные перемешиваются с незаразными и т. п.

2. Секретарь санитарной комиссии принимает ежедневно от 10 ч. утра до 1 ч. дня в гостинице «Бристоль», комната № 123.

3. Санитарный врач принимает там же (гост. «Бристоль», комн. № 86) ежедневно от 8 до 10 час. утра.

Редактор: Редакционная коллегия.
Издатель: Культур.-Просв. Отдел Револ.-повст. армии Украины (махновцев).